

УДК 378.016:101.1
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-2-127-134

МИССИЯ ФИЛОСОФИИ В ОБРАЗОВАНИИ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

А.С. Колесников

Аннотация. Воспитательные функции предметов и их взаимодействие с научными исследованиями общеизвестны. Задача преподавателя – научить студента рассуждать и аргументировать. Важна этика общения. Но этика занимается не столько изучением морального совершенства, сколько изучением того, как избежать моральных ошибок. Так или иначе мы сталкиваемся с особой чувствительностью к той культуре, в которую погружены и студент, и преподаватель. Это означает сосредоточение внимания на обычных людях и повседневной жизни с учётом вопросов идентичности, производства и властных структур. Культура была должным образом признана транснациональной со всеми последствиями транснационализма, включая культурную мобильность, а также культурный империализм и колониальное наследие. Требуется тщательное изучение контекстуальной специфики доминирующей культуры, а также того, чтобы все культуры рассматривались как временные совокупности многочисленных и сложных масштабов, сотворяющих друг друга. Для глубокого рассмотрения культуры требуются её радикальная контекстуализация, использование сравнительных исследований и девестернизация научных кругов. Необходимы включение транснационализма в культурные исследования и всеобщее признание культуры как транснациональной, а также участие в транснациональном ощущении её места в исследованиях культуры.

Ключевые слова: воспитание; логика; культура; транснациональная культура; девестернизация.

ФИЛОСОФИЯНЫН БИЛИМ БЕРҮҮДӨГҮ МИССИЯСЫ ЖАНА ТРАНСУЛУТТУК МАДАНИЯТ

А.С. Колесников

Аннотация. Предметтердин тарбиялык функциялары жана алардын илимий изилдөөлөр менен өз ара аракеттенүүсү жалпыга маалым. Окутуучунун милдети – студентти ой жүгүртүүгө жана аргументтөөгө үйрөтүү. Баарлашуу этикасы маанилүү. Бирок этика адеп-ахлактык кемчиликсиздикти изилдөө эмес, адеп-ахлактык каталардан кантип сактануу керектигин изилдөө. Тигил же бул, биз окуучу да, мугалим да сугарылган маданиятка өзгөчө сезимталдык менен кабылабыз. Бул иденттүүлүк, өндүрүш жана бийлик түзүмдөрүнүн маселелерин эске алуу менен карапайым адамдарга жана күнүмдүк жашоого көңүл бурууну билдирет. Маданият трансулуттуктун бардык кесепеттери, анын ичинде маданий мобилдүүлүк, ошондой эле маданий империализм жана колониялык мурастар менен трансулуттук деп таанылды. Үстөмдүк кылуучу маданияттын контексттик өзгөчөлүгүн кылдат изилдөө талап кылынат, ошондой эле бардык маданияттар бири-бирин жараткан көп сандаган жана татаал масштабдагы убактылуу жыйнактар катары каралат. Маданиятты терең карап чыгуу үчүн аны радикалдуу контексттештирүү, салыштырмалуу изилдөөлөрдү колдонуу жана илимий чөйрөлөрдү батыштан чыгаруу талап кылынат. Маданият таанууга трансулуттукту киргизүү жана маданиятты трансулуттук деп жалпы таануу, ошондой эле анын маданият таануудагы ордун трансулуттук сезүүгө катышуу зарыл.

Түйүндүү сөздөр: билим берүү; логика; маданият; трансулуттук маданият; батышташтыруудан четтөө.

PHILOSOPHY'S MISSION IN EDUCATION AND TRANSNATIONAL CULTURE

A.S. Kolesnikov

Abstract. The educational functions of subjects and their interaction with scientific research are well known. The task of the teacher is to teach the student to reason and argue. The ethics of communication is important. But ethics deals not

so much with the study of moral perfection, but with the study of how to avoid moral mistakes. One way or another, we are faced with a special sensitivity to the culture in which both the student and the teacher are immersed. This means focusing on ordinary people and everyday life, taking into account issues of identity, production and power structures. Culture was duly recognized as transnational with all the consequences of transnationalism, including cultural mobility, as well as cultural imperialism and colonial heritage. A thorough study of the contextual specifics of the dominant culture is required, as well as the fact that all cultures are considered as temporary aggregates of numerous and complex scales that create each other. In-depth consideration of culture requires its radical contextualization, the use of comparative studies and the de-westernization of scientific circles. It is necessary to include transnationalism in cultural research and universal recognition of culture as transnational and participation in a transnational sense of its place in cultural research.

Keywords: education; logic; culture; transnational culture; de-westernization.

Один из важных вопросов высшего образования – воспитательные функции предметов и их взаимодействие с научными исследованиями. В естественных науках и медицине существуют промышленные лаборатории для проведения исследований без обучения. В гуманитарных науках связь между исследованиями и преподаванием заключается в том, что их проводят одни и те же люди в одном и том же институте или университете. Эти вопросы становятся актуальными из-за явного напряжения, которое существует между двумя функциями университетов. Правительства и законодательные органы часто считают образовательную функцию университетов главной. Ж.-Ф. Лиотар говорит о миссии университета как о «духовном и моральном строительстве нации». Исследования и гранты, включая их результаты, могут обогатить преподавательскую миссию университетов. Требуется улучшение учебных программ, где нивелируется злоупотребление философией на службе идеологий и религий. Наиболее важные цели преподавания философии включают (но не исчерпываются ими), во-первых, обучение навыкам рассуждения и аргументации и, во-вторых, преподавание истории мысли таким образом, чтобы она помогала студентам лучше ориентироваться в мире, в котором они живут. Требуются принципиально новые философия и педагогика образования. Излишне говорить, что оба эти навыка бесценны для молодых членов человеческого сообщества.

Как вы можете научить студента рассуждать и аргументировать? Аристотелевская логика показала свою неадекватность. Современная «символическая» логика стала одним из основных предметов в учебных программах по философии. Но преподаватели постепенно обнаружили,

что передача теории количественного определения или теории множеств автоматически не заставляет студентов лучше рассуждать или спорить. «Неформальная логика» утверждает, что основана на исследованиях реальных человеческих рассуждений и аргументаций, которой можно научиться, но нужны чёткие систематические рекомендации относительно того, чему учить на курсах и как учить в соответствии с нравственными заповедями этноса.

Философская этика зародилась в Древней Греции как изучение морального и в более общем плане социального превосходства. Разные добродетели были разного рода совершенства, а добродетельный человек был буквально виртуозным исполнителем сцены общественной жизни. Но на пути к современной морали произошла забавная – или, скорее, печальная – вещь: этика стала не изучением морального совершенства, а изучением того, как избежать моральных ошибок: в крайнем случае, как сохранить свою «добродетель» в эвфемистическом Викторианском чувстве сохранения своей девственности. Что касается современного общества, можно предположить, что, когда вы слышите фразу «деловая этика», то, что она вызывает, скорее всего, является разоблачением различных деловых злоупотреблений, чем определением идеального руководителя. Обсуждение заблуждений играет в них непропорционально большую роль, поэтому стоит провести различие между двумя видами правил в любой целенаправленной деятельности. Такие действия могут быть с пользой концептуализированы в соответствии с принципами, используемыми для анализа игр. Стратегические правила не обязательно должны быть просто эвристическими. Теоретические исследования способны обогатить важнейшую

образовательную миссию философии – обучение рассуждению и аргументации [1].

Роль философии, включая историю философии, в оказании помощи студентам в формировании мировоззрения общеизвестна. Однако часто история философии превращается в тщательное научное исследование тонкостей работы различных мыслителей. Это искушение не ново, и такая научная работа имеет смысл, поскольку она обеспечивает неизбежную основу для более масштабных исследований. Но это не помогает философу направить своих учеников к пониманию их современной ситуации и правилам поведения.

Противоположный подход заключается в широких обобщениях о различных «измах», парадигмах, нормальной и кризисной науке и т. д. Опять же это может быть интересно, но бесполезно для целей образования и мировоззрения. Какой смысл говорить студенту или кому-либо ещё, что мы всегда являемся пленниками той или иной «парадигмы», когда то, что человек пытается осознать, – это его собственная парадигма и её ограничения?

Такие подходы часто сочетаются с акцентом на детерминантах человеческой мысли, включая философскую мысль, в её историческом, социологическом, психологическом и экономическом контекстах. Эти исследования потенциально важные, но прежде всего в той мере, в какой они помогают выявить предпосылки, которые угрожают ограничить наше собственное мышление, оценить влияние философских идей на мышление людей. Следовательно, любое тематическое исследование наглядно проиллюстрирует точку зрения о том, как результаты историко-философских исследований могут помочь всем нам, включая наших студентов, сориентироваться в идеологических джунглях сегодняшнего дня.

Так или иначе мы сталкиваемся с особой чувствительностью к той культуре, в которую погружены и студент, и преподаватель. Это означает сосредоточение внимания на обычных людях и повседневной жизни с учётом вопросов идентичности, производства и властных структур. При этом важно описать культуру, ориентированную на социальные изменения, и практиковать саморефлексию для тщательного

изучения собственной позиции. В своё время Уильям Джеймс говорил о «наличной ценности» философии или прагматизма, которая является способной к вызыванию культурных изменений, т. е. он говорил о философии как культурной политике. Однако дело идёт не о теориях, а о практике – человек в современном обществе ощутил необходимость функционирования прикладной философии (в широком спектре вопросов публичной политики: защиты окружающей среды, образования, здравоохранения и т. д., и т. п.), а также предложение потребителю – «обычному человеку» – «практической философии» как запаса жизненных наставлений, накопленного за многовековую историю в различных культурах (включая западную этическую традицию, «восточную мудрость», оккультные практики и т. п.).

«Культура» – сложное и такое запутанное понятие даже в таком её формировании, как когнитивный капитализм Мулье-Бутан [2], как Капитализм 4.0. Это цифровая, гибкая, интеллектуальная, «знаниевая» экономика, встроенная на прогрессивном развитии технологий. Говорим ли мы об одном и том же, когда говорим о массовой культуре и американской культуре, причём последнюю чаще всего грубо сводят к США? Или, когда мы говорим о цифровой культуре, квир-культуре, национальной культуре, отмене культуры, культурных войнах и культурном присвоении? Возможно, нет. Рэймонд Уильямс предложил одно из самых популярных определений культуры, которое «указывает на особый образ жизни, будь то народа, периода, группы или человечества в целом» [3]. В этом смысле мы можем думать о культурах во множественном числе как о различных образах жизни определённых групп, этносов, разделяющих некоторые убеждения, ценности или обычаи. Цифровая культура, вероятно, является наиболее спорным случаем, поскольку такая формулировка предполагает, что жизнь онлайн и офлайн в значительной степени не связаны.

Особенно актуальными становятся межкультурные практики образования. Эпистемологический аспект межкультурности как практики – это противостояние геополитической гегемонии знания. Межкультуральность не сводима к культурной политике или политике

идентичностей, характерной для западного мультикультурализма. Вместо этого она предлагает иные пути мышления и позиционирования с точки зрения колониального различия, необходимые для конструирования более справедливого мироустройства. Межкультурность ставит под сомнение социополитическую реальность (нео)колониализма, как она отражается в существующих моделях государства, демократии и нации, и предлагает свой вариант понимания демократии как антикапиталистической, антиколониалистской, антиимпериалистской и антисегрегационной, которая бы обеспечила возможно более полное участие коренных народов в принятии решений и осуществлении политической власти в многонациональном государстве. Межкультурная система образования движима идеей критического космополитизма, это модель образования, конечной целью которой воспроизводить одновременно со знанием и критическое понимание. Так балансируются принципы эффективности и справедливости, развития и демократии, свободы и её защиты.

Идея «культуры» даёт нам объяснительную силу, но также активизирует стереотипы и упрощения. В культуре есть что-то транснациональное, ибо в ней участвуют люди со всего мира, она колоритна и разнообразна. Установки людей на восприятие культуры включают установки: когнитивные (картины мира, фреймы), экзистенциальные (идентичности, этнические, классовые), символические (святыни, ценности, идеалы), социальные (отношения и позиции), поведенческие (стереотипы реакций, практик, стратегий, деятельности). В то же время культура отражает властные структуры, особенно экзотизацию незападных культур и эксноминацию белых людей, которые обычно появляются на изображениях не одни, а только с людьми других рас и национальностей, как будто сами по себе они не имеют культуры. Отождествление культуры с национальными, этническими или расовыми группами меньшинств раскрывает преобладающие западно- и ориентированные на белых концепции культуры. Культура была должным образом признана транснациональной со всеми последствиями транснационализма, включая культурную мобильность, культурный

империализм, колониальное и постколониальное наследие. Идея транснациональности культуры не нова. Её можно проследить до работ, считающихся классическими в культурологии, по крайней мере, с западноцентричной точки зрения.

Национальная шкала остаётся самой популярной структурой в медиа- и культурных исследованиях, а также во многих других дисциплинах гуманитарных и социальных наук, в то время как культура, привязанная к определённому месту, по-прежнему остаётся незамеченной во многих медиаисследованиях. Особенно те, которые привязаны к англо-американскому контексту и используют аналитику больших данных и цифровые методы [4]. При этом не стоит отождествлять культуру с высокой культурой, ибо любое человеческое общество имеет свой облик, свою цель, свои смыслы, и культура не должна предназначаться исключительно для особого рода людей, культурных людей. Сегодня многие популярные употребления этого слова имеют тенденцию ассоциировать культуру с маргинализированными слоями, меньшинствами или другими проявлениями. К своим субкультурам или контркультурам прибегают в первую очередь те, чей доступ к власти затруднён. Такие термины, как «чёрная культура», «квир-культура», «молодёжная культура» или даже «цифровая культура», не вызывают столько удивления, как их противоположности, т. е. «белая культура», «культура натуралов», «культура гетеросексуалов», «зрелая культура» и «офлайн-культура».

По всей видимости, их следует рассматривать с точки зрения гегемоний, нормативных режимов или структур власти, хотя мы можем думать о них как о культурах, доминирующих и имеющих особые образы жизни. На первый взгляд, американская культура не сильно отличается, скажем, от японской или турецкой культуры в том смысле, что все они функционируют как национальные рамки, в то время как они явно различаются с точки зрения культурной специфики, на которую они указывают. И тем не менее, как правило, именно неамериканские культуры, особенно самые экзотичные, призваны воплощать идею культуры как таковой или «глобальной культуры». Их считают «особыми»

по сравнению с якобы универсальной американской культурой. Последняя, в свою очередь, нуждается в явном упоминании только в исследованиях американской культуры как таковой, когда основное внимание уделяется именно американскому образу жизни. Если исследование не об этом, а, скажем, о коллапсе цифрового контекста, спецификация кажется ненужной, даже если исследование основано на американском контексте.

В любопытной вселенной национальных культур в последнее столетие американская культура, кажется, существует одновременно везде и нигде. Она повсюду благодаря своему доминирующему положению в иерархии национальных культур, проникая в мировые культуры в такой степени, как никакая другая культура.

Её нет нигде, потому что она проходит как универсальная норма; культура вне именованья, местонахождение которой не нужно указывать. Это может быть продемонстрировано американской гегемонией в системе доменов верхнего уровня в Интернете [5]. Например, только образовательные и академические учреждения США имеют право использовать общий домен edu. для своих веб-сайтов, в то время как их коллеги, расположенные в любой другой стране мира, должны указывать своё местоположение (например, edu.fr. для французских учреждений и edu.uk для британских учреждений). Кроме того, американские образцы считаются ценными сами по себе. Хотя ценность инсайтов, закреплённых в других культурных контекстах, в свою очередь, может быть оспорена.

Важно бросить вызов первенству национального масштаба как доминирующей рамке мышления о привязанных к месту культурах. Гегемонистский центр может располагаться в разных масштабах: его может занимать не только американская культура, но и англо-американская или западная, а также отдельные городские культуры. Если мы думаем о глобальной молодёжной культуре как о якобы универсальном молодёжном образе жизни, мы можем обсудить, как в этой конструкции доминируют представления и чувства, происходящие из американской и западной культур, городских культур или белых культур. Транснациональный подход к культуре

отвергает методологический национализм [6] не для того, чтобы отрицать сохраняющуюся важность национального масштаба, а, скорее, для того, чтобы децентрировать национальное как стандартную основу для размышлений о культуре. Воодушевляя размышления о культуре в различных масштабах, транснациональный подход автоматически подчёркивает значение культур, привязанных к определённому месту. Это важное напоминание во времена растущей популярности анализа больших данных и цифровых методов [7]. Хотя большие данные открывают новые исследовательские возможности, мы должны по-прежнему критически относиться к их ограничениям, включая проблемы, связанные с репрезентативностью и этикой, а также деконтекстуализацией [8].

У всех нас есть культура, независимо от того, какие хэштеги и языки мы используем, которые дают нам представление, которое не происходит ни отовсюду, ни из ниоткуда. Культура, к которой мы все относимся, всегда уже транснациональна. Это общеизвестный факт. Размышляя о происхождении культур, можно объяснить, что культура Ямайки – это перевод европейской, африканской и индийской культур. И ямайская культура в Англии – это перевод этого перевода, составленный из африканской, европейской и индийской культур Карибского бассейна, а теперь ещё более переведённый в связи с Британией и Европой XXI века. Иными словами, культура всегда является переводом – чистой культуры не существует. Поэтому стоит думать о культуре с точки зрения путей, а не корней: «различные пути, по которым путешествуют люди, путешествует и культура, культура движется, культура развивается, культура меняется, культуры мигрируют». В том же ключе Виджай Прашад сомневается в чисто азиатском характере боевых искусств, таких как кунг-фу, предлагая поликультурный, а не мультикультурный взгляд на мир. «Наши культуры связаны большим количеством способов, чем мы можем каталогизировать» [9, p. 81; 10].

Транснациональный подход к культуре сосредоточен на отслеживании связей и топологий между культурами, признавая, что они существуют на разных уровнях. Крайне важно

не только думать о культуре в разных масштабах, но и думать о ней как об уникальной комбинации и о переплетении нескольких географических масштабов. Направление движения людей, объектов и идей – ещё один ключевой момент транснационального подхода к культуре. Признавая геополитические и постколониальные структуры, учёные указывают на непропорциональные обмены между Западом и остальным миром. Другие учёные оспаривают бинарную дихотомию Запада и Остальных, глобального и локального, современного и традиционного и указывают на процессы сложной адаптации, а не на простое заимствование западных моделей культуры, называя эти процессы культурной гибридизацией, креолизацией или дублированием. По всей видимости, здесь речь идёт о полях взаимодействия и переходах между ними: административное поле, правовое и электоральное поля, поле парламентской политики, поле публичного дискурса, поле переговоров и торгового, поле уличной политики, поле вооружённой борьбы, поле войны.

Запад уже находится внутри Остальных, как показало исследование Sony Walkman японского культурного артефакта, созданного в результате *гибридного* способа организации работы, основанного на традициях деловой практики, разработанных как в Японии, так и в Соединённых Штатах» [11]. Хотя полезно отслеживать связи и обмены между ними, лучше всего рассматривать культуры как временные совокупности, которые совместно создают друг друга. Перемещение людей, объектов и идей не является однонаправленным. Они путешествуют не только с Запада на остальной мир, но и с остального мира на Запад, а также во многих других направлениях внутри Запада и внутри остального мира. Здесь больше подходит структура сетевой культурной глобализации, чтобы понять эти множественные потоки в разных направлениях и в разных масштабах. Каждая сеть состоит из узлов и соединений между ними. Метафора путешествий как потоков внутри сети полезна, поскольку она вызывает идею места отправления: Сети также динамичны, что означает, что центральность узлов и сила связей могут меняться

во времени с учётом культурных и исторических особенностей.

Выявляются некоторые методологические, этические и политические концепты, которые могут помочь нам продвигать действительно транснациональные культурные исследования. Возможны радикальная контекстуализация культуры, использование сравнительных межкультурных исследований и девестернизации научных кругов [12], опора на эмпирические исследования реально существующих культур и жизненного опыта [13]. Этот подход имеет футуристический взгляд на такие насущные – и, действительно, транснациональные – современные вызовы, как изменение климата, дефицит демократии, культурные войны и датафикация социальной ткани [14].

Интересен тот факт, что культурные исследования никогда не затрагивают культуры, а касаются социо-гео-историко-экономического контекста, указывая на растущую сложность культуры, где смысл возникает в «мультиконтекстуально детерминированной ситуации». Радикальный контекстуализм – это наблюдение за состоянием культуры, особенно в постмодернизме; состояние, характеризующееся «вечно расширяющейся контекстуальностью». Энг перечисляет некоторые контексты, которые следует учитывать при анализе культуры, включая нацию и пол, а также «расу, класс, этническую принадлежность, региональное положение, поколение, религию, экономическую конъюнктуру, политический климат, семейную историю, погоду и т. д. и т. д.» [15]. Энг осознаёт, что невозможно рассмотреть «весь контекстуальный горизонт» культуры, и предлагает перевести это ограничение в возможность и ответственность. Транснационализм делает нас ещё более восприимчивыми к рассмотрению контекстов в масштабах множественных и запутанных, как и к тщательному изучению контекста доминирующей культуры этнографией.

Здесь, следуя транснациональному подходу к культуре, следует подчеркнуть потенциал сравнительных исследований для достижения радикально контекстуализированных идей. Хотя любой анализ носит сравнительный характер: «Неявно или явно исследования используют

концептуальные категории, которые утверждают различия (будь то в терминах нации, социальной группы, института, среды или времени)» [16]. Важно понять, что суть сравнительного исследования заключается в одновременном выявлении сходств и различий, но стоит взглянуть шире, и мы увидим важность связей между культурами.

Идея связей заключается не только в выявлении сходств или различий между связанными явлениями. Напротив, цель установления связей состоит в том, чтобы привлечь внимание к сложным, иногда противоречивым и часто неравным взаимосвязям, которые существуют в разных культурных условиях, как бы они ни определялись. Сравнительные исследования заключаются, среди прочего, в том, что они не оставляют господствующей культуре места, где можно было бы скрыть свой контекст, а позволяют распознавать общие макроуровневые – по сути, транснациональные – процессы, влияющие на различные культуры, такие как индустриализация, урбанизация или секуляризация, как и колониальное наследие. Становится крайне важным объяснить выбор конкретных стран и их количество, имея в виду геополитические и постколониальные структуры власти (например, вопрос о том, каковы последствия сравнения центральных стран с периферийными странами или сравнения некоторых периферийных стран с подобными). Тем не менее транснациональный подход к культуре требует рассмотрения других масштабов для сравнения, включая зоны, регионы, а также приграничные территории и языки. При осмыслении культуры как образа жизни также важно следовать подходу, ориентированному на медиа, поскольку маловероятно, что кто-то сможет прожить свою жизнь, используя только одну медиатеchnологию.

Институциональная база культурологических исследований сильна по оси «тройного А» (англо-американо-австралийской) генеалогии культурных исследований. Крайне важно, чтобы не только Остальные читали Запад, но и наоборот. Некоторые, по общему признанию, несовершенные способы достижения этого заключаются в активизации наших усилий по переводу произведений с разных национальных языков на европейские языки. Во-вторых, нам нужно

научиться писать по-разному и ценить эти разные виды письма. Глория Ансальдуа [17] является прекрасным примером автора, использующего многоязычный текст и сочетающего в себе академические эссе с личными размышлениями и стихами. Наконец, нам нужно настойчиво требовать от доминирующей культуры, чтобы она изучала специфику своего контекста, ставила под сомнение центральную роль своих теорий и ценила альтернативные концептуализации и методологии. Важно, чтобы все эти достижения были правильно и вовремя доведены до сознания как студенчества, так и профессорско-преподавательского состава.

Вывод. Культура транснациональна. И сейчас она более транснациональна, чем когда-либо, во времена быстрого развития цифровых технологий, активизации культурных обменов и больших миграционных потоков. Культурология не может позволить себе игнорировать этот факт и сейчас, как никогда, должна исследовать транснационализм в самой его сути и на всех уровнях: теоретическом, методологическом, этическом, институциональном и политическом. Универсальное признание культуры как транснациональной и всеобщее участие в транснациональном ощущении места в исследованиях культуры должно вести к учёту междисциплинарного или даже постдисциплинарного характера культурологических исследований [18], пронизывающих смежные области гуманитарных и социальных наук, в том числе исследования медиа, что будет способствовать пониманию транснациональной культуры перед лицом датификации всего и обманчивого очарования аналитики больших данных.

Поступила: 06.11.22; рецензирована: 20.12.22;
принята: 23.12.22.

Литература

1. *Hintikka Jaakko* (2000). On the Educational Missions of Philosophy / J. Hintikka // *Diogenes*. 48 (192). Pp. 63–70.
2. *Moulier-Boutang Y.* (2011). *Cognitive Capitalism* / Y. Moulier-Boutang. Cambridge: Polity Press.
3. *Williams R.* (1976). Developments in the Sociology of Culture / R. Williams // *Sociology*. Vol. 10. Issue 3. Pp. 497–506; P. 52.

4. *Boyd D. and Crawford R.* (2012). Critical questions for Big Data, Information / D. Boyd and R. Crawford // *Communication & Society*. 15:5. Pp. 662–679.
5. *Zulc Lukasz* (2017). Banal nationalism in the internet age: rethinking the relationship between nations, nationalisms and the media. / L. Zulc // Skey, Michael and Antonsich, Marco (eds.) *Everyday nationhood: theorising culture, identity and belonging after banal nationalism*. Palgrave Macmillan. London, UK. Pp. 53–74.
6. *Beck Ulrich* (2007). Beyond class and nation: reframing social inequalities in a globalizing world / U. Beck // *The British journal of sociology*. Vol. 58. Issue 4. Pp. 679–705.
7. *Jonathan L.W. Ruppert et al.* (2013). Caught in the Middle: Combined Impacts of Shark Removal and Coral Loss on the Fish Communities of Coral Reefs / L.W. Jonathan Ruppert et al. // *Plos One*. 8 (9). Sep. 18. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0074648> (дата обращения: 18.07.2022).
8. *Venturini T. et al.* (2018). A Reality Check (-list) for Digital Methods / T. Venturini et al // *New Media & Society*. 20 (11). Pp. 4195–4217.
9. *Prashad Vijay* (2003). *Keeping Up with the Dow Joneses: Debt, Prison, Workfare* / V. Prashad // Cambridge, MA: South End Press.
10. *Ang I.* (1998). *Doing cultural studies at the crossroads: Local /global negotiations* / I. Ang // *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 1. Issue 1. Pp. 13–31.
11. *Brooks Joseph Champ Jeffrey J.* (2010) *The Circuit of Culture: A Strategy for Understanding the Evolving Human Dimensions of Wildland Fire* / J.C.J Brooks // *Society and Natural Resources*. 23 (6). Pp. 573–582.
12. *Johnson Joseph A.* (2020). How do we do this: learning how to teach socioscientific issues AZ Macalalag / J. Johnson, M. Lai // *Cultural Studies of Science Education*. 15 (2). Pp. 389–413.
13. *Guimarães Corrêa* (2020). Intersectionality: A challenge for cultural studies in the 2020 s / C. Guimarães // *International Journal of Cultural Studies*. 23 (6). Pp. 823–832.
14. *Couldry Nick* (2020). Recovering critique in an age of datafication / N. Couldry // *New Media & Society*. Vol. 22. Issue 7. Pp. 1135–1151.
15. *Ang I.* (1996). *Living Room Wars: Rethinking Media Audiences for a Postmodern World* / I. Ang. London: Routledge. P. 73.
16. *Livingstone S.* (2003). On the challenges of cross-national comparative media research / S. Livingstone // *European Journal of Communication*. 18 (4). Pp. 477–500.
17. *Anzaldúa Gloria* (1987). *Borderlands: the new mestiza = La frontera* / G. Anzaldúa. San Francisco: Aunt. Lute.
18. *Hartley J.* (1998). *Learning and Studying: A Research Perspective* / J. Hartley. Routledge: Psychology Press. P. 5.